

Проблема личности в научном наследии П.Я. Гальперина

М.А. Степанова

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования и педагогики факультета психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

П.Я. Гальперин не оставил развернутой теории личности, однако как автор общепсихологической теории, он в той или иной степени касался различных фундаментальных проблем, в числе которых — вопросы психологии личности. В публикации поставлена задача с опорой на устные и письменные выступления П.Я. Гальперина и сохранившиеся архивные записи выделить в качестве самостоятельных положения, касающиеся психологии личности, и представить их в виде довольно общей, но при этом не лишенной строгости и стройности системы. Также показано, какие изменения претерпели общие представления о личности в разные периоды научного творчества П.Я. Гальперина. Подчеркивая ведущую роль психологии в комплексном изучении личности, П.Я. Гальперин сформулировал общие положения, касающиеся свободы и формирования личности, которые имеют не только историко-психологическое значение. Есть достаточные основания утверждать, что П.Я. Гальперин поставлены вопросы, имеющие принципиальное значение для нашей науки и смежных областей знания, обозначены важные аспекты проблемы психологии личности, которые могут служить ориентирами и для современных и будущих исследований.

Ключевые слова: теория П.Я. Гальперина, предмет психологии, личность, формирование личности, общая психология, свобода и необходимость, ответственность, выбор.

Страшное бремя свободы выбора
Ф.М. Достоевский. Легенда о великом инквизиторе

Тревоги в немалой степени повышают «душевную стоимость» жизни.
П.Я. Гальперин. Письмо В.С. Мерлину от 13.05.54

В одном из последних интервью Сергей Петрович Капица, отвечая на вопрос о состоянии российских научных исследований, сказал: «Так и не сформулированы цели и задачи отечественной науки. ... состояние науки есть результат развития самого общества. У нас раздрой, мы не знаем, куда идем, мы меняем все время ориентиры» [23, с. 52]. Есть ли ориентиры в психологической науке? Созданы ли теории, которые указывали бы направления ее развития и приложения к решению практических задач?

Заметным событием отечественной психологической мысли XX столетия явилась теория П.Я. Гальперина, позволившая приблизиться к решению ряда важнейших задач. Сам П.Я. Гальперин, вошедший в историю нашей науки прежде всего как автор нового оригинального понимания предмета и метода психологии, тем не менее свою задачу видел не столько в том, чтобы объяснить предмет психологии, сколько в том, «чтобы выделить его и сделать его предметом подлинно *научного изучения*» (курсив мой. — М.С.) [5, с. 9]. В качестве последнего для П.Я. Гальперина выступал процесс ориентировки субъекта в ситуациях на основе их психического отражения; при этом он специально подчеркивал: «... все формы психической деятельности, а не только познавательные, ин-

теллектуальные представляют собой различные формы ориентировки субъекта в проблемных ситуациях» [там же, с. 93]. В то же время среди психологов бытует мнение, что его концепция ограничивается лишь познавательными процессами, оставляя в стороне проблемы личностного развития.

Действительно, П.Я. Гальперин не оставил нам развернутой теории личности — в его архивных записях последних лет можно встретить лишь осторожные замечания по поводу больших трудностей на пути разработки вопросов психологии личности, что обусловлено, с его точки зрения, уровнем развития современной психологической науки. Во «Введении в психологию» он сетует по поводу того, что в наиболее важных направлениях, к которым он относит психологию убеждений и личности, подлинно психологический эксперимент развивается медленно. Интересно заметить, что спустя чуть более 10 лет на страницах журнала «Вопросы психологии» увидела свет статья Л.И. Божович, посвященная анализу концепции Л.С. Выготского с точки зрения ее значения для современных исследований личности, в которой Л.И. Божович оспаривает точку зрения П.Я. Гальперина. «Современные исследования (в том числе наши собственные) опровергают ... со-

мнения о возможности изучения высших, «личностных» форм психической жизни (значащих переживаний, смыслов, нравственных чувств, воли) посредством эксперимента» [3, с. 366]. П.Я. Гальперин был знаком с эмпирическими работами Л.И. Божович, и можно предположить, что подобное расхождение мнений объясняется различием подходов к изучению личности. Если П.Я. Гальперин развивал общетеоретический, граничащий с философским, аспект, зачастую мало совместимый с экспериментированием, то Л.И. Божович занималась исследованием формирования личности у ребенка.

Однако в работах П.Я. Гальперина намечены ориентиры — о чем и говорил С.П. Капица, позволяющие обозначить некоторые тезисы и наметить перспективы и направления будущих разработок. Это и выступает нашей непосредственной задачей — выделить в качестве самостоятельных положения, касающиеся психологии личности, и представить их в виде не законченной теории, что не соответствовало бы реальности, а довольно общей, но при этом не лишённой строгости и стройности системы. Необходимо отметить, что речь пойдет о представлениях П.Я. Гальперина без анализа того, какое они получили — если получили — продолжение в проведенных впоследствии исследованиях. Такая позиция не в последнюю очередь объясняется историко-психологической необходимостью изучить наследие ученого, оставившего потомкам немало достойных для осмысления идей.

Актуальность поставленной задачи становится особенно ощутимой при обращении к современным отечественным работам по психологии личности, в которых подчеркивается как теоретическая, так и практическая значимость исследований. Что касается последнего, то А.Г. Асмолов на конкретных примерах убедительно показал, как от понимания личности, ее образа в культуре напрямую зависят действия, нацеленные на воспитание личности, и обосновал представление о деятельностной сущности человеческой личности: «Искать личность человека под поверхностью кожи ... столь же безнадежно, как искать природу стоимости денежных знаков в самой бумаге, на которой они отпечатаны. ... ключ лежит в движении системы социальных отношений, являющихся источником становления личности...» [1, с. 217].

Проникновение в тайны личности видится весьма ответственным делом для нынешних психологов. По мнению Д.А. Леонтьева, понятие личности в современной психологии является, с одной стороны, одним из самых популярных, а с другой — одним из самых размытых и неопределенных. Опираясь на результаты проведенных исследований, он ставит вопрос о специфике личностного в отличие от биологического и социального измерения развития и предлагает собственное понимание личности [12].

В комментариях к статье «Личность» в «Большом психологическом словаре» В.П. Зинченко предостерегает: «Личность есть предмет удивления, преклонения, зависти... Но не предмет практической заинтере-

сованности... Сказанное не означает, что психологам противопоказано размышлять о личности. Но размышлять, а не определять или редуцировать ее к иерархии мотивов, совокупности ее потребностей, творчеству, перекрестью деятельности, аффектам, смыслам...» [11, с. 266]. Эти слова В.П. Зинченко будут выступать для нас не истиной в последней инстанции, ибо достойной альтернативы мотивам, потребностям, смыслу и тому подобному психология пока что не предложила, а лишь отправной точкой в собственных рассуждениях. Такая позиция, хочется верить, позволит *размышлять о личности вместе с П.Я. Гальпериным*, автором оригинальной психологической теории, с самого своего возникновения привлекавшей внимание не только учеников и последователей, но едва ли не в большей степени критиков и недоброжелателей. Однако не исключено, что именно это и обеспечило ее жизнестойкость, ибо, как заметил П.Я. Гальперин, впервые официально представляя свою точку зрения на предмет психологии в 1952 г., «вопросы истины не решаются голосованием» [14, с. 99]. Это созвучно словам А. де Сент-Экзюпери: «Истина рождается несхожим с ней» [20, с. 290].

П.Я. Гальперин как общий психолог

В историю отечественной психологической науки П.Я. Гальперин вошел как автор оригинальной общепсихологической теории. Сказанное вряд ли нуждается в специальном обосновании, достаточно привести несколько фактов:

- единственная прижизненная книга П.Я. Гальперина носит название «Введение в психологию», и речь в ней идет о принципиальных вопросах психологии, таких как предмет психологии (ориентировочная деятельность), объективная необходимость психики и объективный признак психического, эволюционные уровни действия;

- используемый П.Я. Гальпериным понятийный аппарат — ориентировка и ориентировочная деятельность, биологическое и социальное, действие и психика, внимание и воображение и др. — адекватным образом отражает проблемы общей психологии;

- П.Я. Гальперин подготовил и читал курс общей психологии;

- одна из последних работ, до настоящего времени не опубликованных, носит название «Общие основы психологии»;

- наконец, заполняя анкеты и отвечая на вопросы в ходе интервью, П.Я. Гальперин относил себя к исследователям в области общей психологии, что, правда, не всегда соответствовало его статусу в профессиональном сообществе. В качестве иллюстрации сказанного достаточно обратиться к докладу декана А.Н. Леонтьева на Ученом совете по случаю 10-летнего юбилея факультета психологии в 1976 г., в котором он отметил, что *только в последние годы* П.Я. Гальперин поднимает вопросы общепсихологического характера [22]. И это при том условии, что

П.Я. Гальперин к тому времени уже давно читал «Общую психологию» студентам-философам и подготовил свой главный труд «Введение в психологию»!

Наверняка можно привести и другие факты.

Правда, нужно добавить, что научная позиция П.Я. Гальперина выступила предметом специального анализа и последующих выводов. Так, по мнению Л.Ф. Обуховай, П.Я. Гальперин является создателем новой отрасли психологии: «П.Я. Гальперин делал нечто большее, чем было видно научному сообществу. Он создавал новое направление в психологии, новую отрасль нашей науки, которую сегодня уже можно назвать общей (генетической) психологией» [17, с. 6]. Л.Ф. Обухова подчеркивает, что П.Я. Гальперин построил такую систему, в которой все психические процессы «рассматриваются в том особом качестве, которое интересует психологию как науку о развитии психики» [там же]. Это означает разработку направления, в котором психические процессы рассматриваются с точки зрения их происхождения, строения и функции. Л.Ф. Обухова подытоживает, что в области психологии развития система такого масштаба может быть поставлена на одном уровне с теориями Л.С. Выготского и Ж. Пиаже. А.И. Подольский различает общепсихологическую концепцию П.Я. Гальперина (систему¹ психологии) и теорию поэтапного формирования умственных действий и понятий в собственном (узком) смысле слова [18; 19].

Рассмотрение теории П.Я. Гальперина как *общепсихологической* предполагает осмысление этого факта, иначе говоря, необходимо понять, что скрывается за понятием «общепсихологическая концепция». А это означает, что автор в той или иной степени касается различных фундаментальных проблем и уж никак не может дистанцироваться от вопросов психологии личности. В «Большом психологическом словаре» специально подчеркивается, что получило распространение (особенно среди западных коллег) противопоставление общей психологии и психологии личности — в отечественной психологии эта точка зрения подвергается критике, и «изучение личности относится к числу центральных задач общей психологии» [2, с. 345].

Таким образом, есть все основания предполагать, что в *общепсихологической* по своей природе теории П.Я. Гальперина *имплицитно* содержится представление о личности.

В прижизненных публикациях П.Я. Гальперина о личности говорится мало, что вряд ли следует квалифицировать как отсутствие интереса к этой проблематике, скорее, в данном случае надо говорить о недостаточной разработанности вопросов, касающихся психологии личности. Таким образом, самостоятельной историко-психологической задачей является анализ устных и письменных выступлений П.Я. Гальперина,

его архивных материалов сквозь призму проблем психологии личности. Данная публикация — шаг в решении этой задачи. При этом сам П.Я. Гальперин неоднократно подчеркивал, что не дает определения, что такое личность (однако в архивах нам удалось встретить толкование этого понятия).

Представления П.Я. Гальперина о личности: общие положения

Первое. Согласно П.Я. Гальперину, психология не может и не должна изучать всю психическую деятельность, другие науки не меньше психологии имеют право на ее изучение. «Личность есть образование общественно-историческое и, конечно, предмет изучения не только одной психологии. Но в истории развития личности и в ее дальнейшей деятельности психика как реальный процесс ориентировки в каждой жизненной ситуации играет такую значительную роль, что психология как наука не может не занять ведущее положение в комплексном изучении личности» [5, с. 138].

Второе. При рассмотрении вопросов психологии личности П.Я. Гальперин исходит из необходимости определить, что отличает личность от *субъекта деятельности* у животных. Понятие субъекта П.Я. Гальперин считал основополагающим и вместе с тем одним из труднейших. Чтобы подойти к пониманию субъекта, по его мнению, нужно учесть различие двух основных типов жизни — растительной и животной. Переход на уровне животных к активной жизни во внешней среде ведет к перестройке самого организма, к выделению внутри него *особой инстанции* по получению и переработке сигналов из внутренней среды организма — в потребности, сигналов из внешней среды — в образы ситуации и различные действия в плане образа. Вместе они призваны обеспечить ориентировку в ситуациях, в которых автоматическое реагирование угрожает неудачей. «Организм, который регулирует свои внешние реакции, воздействия на внешнюю среду на основе образа этой среды ... есть субъект действия» [там же, с. 136—137].

Таким образом, субъект — всегда субъект действия, но не всякого, а такого, которое регулируется на основе образа ситуации. Многие физические действия организма не составляют действий субъекта, например эпилептические судороги. И *человек* является *субъектом* лишь в той мере, в какой он управляет действием на основе *образа*.

Нужно заметить, что к проблеме субъекта действия П.Я. Гальперин подходил и ранее, еще до начала исследований по теории поэтапного формирования умственных действий и понятий. В этом отношении интерес представляет датированное октябрём 1940 г. письмо П.Я. Гальперина А.Н. Леонтьеву, в котором он делится своими впечатлениями по поводу книги

¹ По мнению В.П. Зинченко, П.Я. Гальперин не считал свою теорию системой психологии: «подобные амбиции были ему не свойственны» [11, с. 122—123].

«Развитие психики». Анализируя идеи А.Н. Леонтьева о психике как своеобразной форме деятельности, он делает вывод: «Без действующей личности (у человека, особи — у животных) деятельность превращается в натуральный процесс, перестает быть деятельностью. Так поднимается основная проблема личности» [8, с. 7].

Общая структура отношений организма к внешней среде, характерная для *субъекта активных действий*, составляет *предпосылку формирования личности* и ее психологических черт. Личность отличается от субъекта действий, который (еще или уже) не является личностью.

Условия (предпосылки) образования личности

- Одним из противоречий в процессе становления человека является несовместимость общественных, биологически не наследуемых отношений с миром, с одной стороны, и животными отношениями к нему в виде инстинктов, с другой. Это ведет к отмиранию в процессе антропогенеза инстинктов. Если животное «не может стать ничем, кроме того, что оно есть, так как самим строением организма оно накрепко связано с определенным отношением к внешней среде» [7, с. 127], то у человека органическая потребность остается, но она не предопределяет отношения к внешней среде. *Отмирание инстинктов, разрушение инстинктивного отношения к среде* составляет одно из фундаментальных условий образования личности.

- Отмирание инстинктов возмещается усвоением общественного опыта. Однако этот опыт настолько велик, а средства его усвоения столь характерны для каждой сферы деятельности, что требуют изменений рабочего органа этой разнообразной деятельности — головного мозга. «И это составляет вторую, идущую параллельно с первой, предпосылку образования современного человека и того, что сегодня называется личностью» [5, с. 140].

Третье. Если в качестве единицы поведения выступает отдельное действие, то общую линию эволюции действия — от неорганического мира до человека — можно разделить на четыре больших ступени: физическое действие, физиологическое действие, действие субъекта и действие личности. Каждая более высокая ступень развития действия включает в себя предыдущие. На уровне личности субъект учитывает не только свое восприятие предметов, но и накопленные обществом знания о них, и не только их естественные свойства и отношения, но также их социальное значение. У *личности* регуляция действия осуществляется на основе *сознания* общественного значения ситуации и общественных образцов и способов действия.

Во всяком человеческом действии, как подчеркивал П.Я. Гальперин, обнаруживаются компоненты и физического, и физиологического действия, и действия субъекта, но «все они подчинены новой, высшей инстанции» [7, с. 61]. И человеческое действие мож-

но рассматривать с разных сторон, но успешность действия обеспечивает его ведущая сторона, своя для каждого уровня: «Она является ведущей стороной. Значит, *не единственной, а ведущей*» (курсив мой. — М.С.) [7, с. 61].

Четвертое. Личность невозможна без сознания, которое «осуществляется лишь в той мере, в какой у каждого человека, каждого члена общества воспитывается контроль за собой, за своей психической деятельностью» [5, с. 141]. Где нарушено сознание, нарушена или утрачена личность. В состоянии душевной болезни, когда человек не способен оценивать свои действия, действия других людей так, как это делают нормальные люди, не может управлять своим поведением, он остается субъектом действий, но уже не является личностью и не отвечает за свое поведение. Отдельные формы психической деятельности, в том числе память и формальное мышление, могут оставаться у него сохранными, но он не может управлять своим поведением. Ребенок до определенного возраста не отвечает за свои поступки, и он рассматривается как растущая, но еще не сложившаяся личность.

«Личность невозможна без сознания, но не сводится к нему — сознание не равно личности. Действует не сознание, а личность, которая регулирует свои действия на основе сознания, составляющего ориентировочную часть его действий» [там же, с. 143]. Чтобы быть личностью, нужно быть сознательным, общественно-ответственным субъектом.

Пятое. Личность не появляется готовой при рождении, она формируется в индивидуальном развитии и может быть как «зрелой», так и «незрелой». Личность — не прирожденное, а формирующееся общественно-историческое образование. Зрелость личности устанавливается с помощью известных критериев оценки поведения в определенных ситуациях.

Что является *критерием зрелости личности*? П.Я. Гальперин отвечает на этот вопрос так: «Способность самостоятельно учитывать границы, внутри которых можно действовать свободно, т. е. согласно психологической оптимальности» [9; 31 мая 1977 года²].

О свободе и формировании личности: историко-психологический ракурс

Проблема становления личности волновала П.Я. Гальперина в разные периоды его жизни. Поэтому представляет интерес их историческая ретроспектива.

Из записей *военных лет* (так озаглавлена папка с материалами самим П.Я. Гальпериным):

«Личность характеризуется *потребностями и способом их удовлетворения*, а потребности и способы их удовлетворения определяются реальными жизненными отношениями, в которые личность

² Здесь и далее сохранена авторская форма написания дат, различная в разных документах.

включена. Точней: личность характеризуется индивидуальным выбором и оформлением потребностей и способов их осуществления, которые диктуются жизненными отношениями. Этот индивидуальный выбор типичен и одна из задач психологии выяснить условия образования того или иного типа. Жизненные отношения, о которых идет речь, тоже подлежат ведению психологии, так как это отношения индивидуальной жизни — отношения ребенка к родителям в процессе развития речи, ходьбы, игры с вещами в течение первого года — эти отношения лишь намечаются, но не изучаются общественными науками» [9].

Не вызывает сомнения, что П.Я. Гальперин был знаком с положением марксистской философии об определяющем влиянии потребностей на человеческие поступки. Есть все основания также полагать, что увидевший свет в 1934 г. труд Л.С. Выготского «Мышление и речь», изъятый из обращения после постановления 1936 г., был прочитан и осмыслен П.Я. Гальпериным, а это способствовало оформлению собственных профессиональных взглядов. Л.С. Выготский в заключительной главе «Мышления и речи» («Мысль и слово») писал о потребностях. «Мысль — еще не последняя инстанция... *Сама мысль рождается не из другой мысли*, а из мотивирующей сферы нашего сознания, которая охватывает наше влечение и потребности, наши интересы и побуждения, наши аффекты и эмоции. За мыслью стоит аффективная и волевая тенденция. Только она может дать ответ на последнее «почему» в анализе мышления. Если мы ... сравнили мысль с нависшим облаком, проливающимся дождем слов, то мотивацию мысли мы должны были бы ... уподобить ветру, приводящему в движение облака « (курсив мой. — М.С.) [4, с. 357]. Хочется надеяться, что тщательное ознакомление с архивными записями военного периода (к сожалению, по свидетельствам родственников П.Я. Гальперина, по причине переездов и несчастных случаев — пожаров и затоплений — многие материалы оказались утеряны) еще прольет свет на историко-психологическую проблему внутренней связи идей Л.С. Выготского и П.Я. Гальперина.

Вопросы психологии личности, как они понимались П.Я. Гальпериным в период оформления его теоретической позиции, начиная с конца 40-х гг. и до середины 70-х гг., получили отражение в его прижизненных публикациях, о чем шла речь выше. Обращение к материалам последнего периода жизни позволяет обозначить результаты многолетних размышлений по вопросам, касающимся личности и условий ее становления.

В 70-е годы представления П.Я. Гальперина изменились. Он различает побуждение к действию и мотив. Побуждения — это потребности в собственном смысле слова или страсть (чувства), которые побуждают к определенным действиям. За чувства и потребности человек не несет ответственности. Он от-

вечает за мотив (эта идея, уточняет П.Я. Гальперин, идет от Аристотеля), за то, что принял побуждение как основание для своего поведения. Сократ признавался, что от рождения был наделен бурными страстями, но сумел побороть их и стал учителем нравственности. Если побуждение толкает человека на определенное поведение, то мотив означает согласие на это поведение. По мнению П.Я. Гальперина, трактовка психологии воли как борьбы мотивов исходит из смешения побуждения и собственно мотива. *Мотив — начало ответственности*, которая есть только в обществе. Животное за свои побуждения не отвечает, и вырвавшегося из клетки зверя к ответственности не привлекают, а водворяют в клетку. «Мотив — специфически общественное, человеческое образование» [7, с. 384].

Мотивы всегда имеют нравственный характер. «Речь идет о моральной оценке известного рода объектов и поведения с этими объектами. ... речь идет о такого рода образованиях, которые называются ценностями и которые надо четко отличать от полезности» [там же]. Моральные, эстетические и другие *ценности* имеют внеиндивидуальное содержание.

Таким образом, «под мотивацией поведения надо иметь в виду не побуждение к действию, а принятое моральное основание для того или иного поведения» [там же, с. 385]. Борьба мотивов имеет место тогда, когда человек еще не разобрался, а необходимо действовать. В этом случае следует полагаться на сложившиеся моральные ценности. Болезненной чуткостью к нарушению моральных ценностей, совершенно справедливо замечает П.Я. Гальперин, обладал Достоевский, поэтому и интерес к нему возникает в периоды расшатывания моральных устоев. Говоря о формировании моральных установок и моральной ориентации поведения, П.Я. Гальперин обращается к педагогическому наследию А.С. Макаренко³, который по сути дела создавал у колонистов новые ценности. Он обращает внимание на то, что в колонии Макаренко была *очень четкая программа жизни, как себя вести, как жить*, которую П.Я. Гальперин называет схемой ориентировочной основы деятельности. С целью лучшего понимания того, на что обращал внимание П.Я. Гальперин, приведём слова самого А.С. Макаренко: «Мужество! ... нельзя ... ограничиться душевспасительными разговорами. Нельзя ... закрыть форточки, обложить ребенка ватой и рассказывать ему о подвиге Папанина. Нельзя ... потому, что результат ... в этом случае ясен: вы воспитываете циничного наблюдателя, для которого чужой подвиг — только объект для глазения, развлекательный момент.

Нельзя воспитать мужественного человека, если не поставить его в такие условия, когда бы он мог проявить мужество, — все равно в чем: в сдержанности, в прямом открытом слове, в некотором лишении, в терпеливости, в смелости» [13, с. 45].

³ Не случайно В.В. Давыдов говорил о необходимости создания при Российской академии образования специальной лаборатории по изучению наследия А.С. Макаренко.

В эти годы *проблема формирования личности* у П.Я. Гальперина получила такое звучание: *проблема свободы и формирования личности*. Доклад на эту тему был им сделан на Ломоносовских чтениях 14 апреля 1977 г. *Личность* П.Я. Гальперин понимает следующим образом: это «человек, который достигает возможности устанавливать истинную необходимость известного поведения и следовать этой необходимости» [9].

В соответствии со своим представлением о том, что личность выступает предметом исследования ряда наук, П.Я. Гальперин различал философскую и психологическую стороны проблемы. Если философия рассматривает ставшее, уже наличное отношение между детерминизмом, свободой, необходимостью, ответственностью в общем виде, то психология — *как оно становится, как достигается* не только свобода (от), но и сознание ответственности, познание необходимости, которая есть, следовательно, более высокая степень свободы [9, подготовка к докладу].

Свобода от того, что «превращается в оковы», без сознания ответственности, которая возникает из этого освобождения, и тем более — без познания новой необходимости (этого нового уровня) есть опасная не-свобода; опасная потому что она в самом субъекте и сначала им не сознается. Но ее сознание возникает не из сознания себя, а из сознания вопроса «что же теперь» и далее познания новой, отвечающей новым условиям необходимости.

В ходе подготовки к докладу П.Я. Гальперин останавливается на трех, как он их называет, *переломных моментах* эволюции [9, 08.03.77].

Первое — переход от гомеостаза к управлению на основе психического отражения ситуации, который имеет место еще у животных. Интересно, что примерно в то же время об этом писали и физиологи, т. е. можно говорить о междисциплинарном подходе к проблеме.

П.В. Симонов в начале 70-х гг. обращал внимание, что при всех своих впечатляющих успехах традиционная физиология даже в союзе с кибернетикой оставалась беспомощна в одном: она никак не могла приблизить нас к истинному пониманию целей и движущих сил поведения живых систем. Образовавшаяся брешь была заполнена ссылкой на «универсальный принцип самосохранения», суть которого состояла в том, что главная цель поведения всего живого — постоянно стремиться к покою и равновесию. «Столь фундаментальную цель живых существ нарекли гомеостазом, их поведение свели к ликвидации возникающих влечений, будь то голод, жажда или секс» [21, с. 189]. Справедливость такого утверждения вызывает серьезные сомнения. «Закономерности исследовательской активности — важный аргумент против теории гомеостаза, согласно которой стремление к равновесию — единственная цель и смысл приспособительного поведения животных» [там же, с. 199]. Универсализация принципа самосохранения оказывается еще менее продуктивной применительно к анализу человеческого поведения. Это рассуждение, как пишет П.В. Симонов, подводит нас к проблеме, от

которой должна прятаться традиционная физиология мозга, к проблеме свободы выбора.

Второе — переход от животных к человеку — от инстинктов к органическим потребностям, тесно спаянным с субъектом.

«Человеческая психика во всех ее характерных составных частях представляет образование, имеющее корни не в прежней, животной психике, а в новых условиях существования. От прежнего животного развития мы получаем только общие возможности» [7, с. 137]. Проблема биологического и социального выступила предметом пристального внимания П.Я. Гальперина. Он заключает, что надо различать биологическое и органическое: у человека нет биологических факторов в смысле биологически предустановленных форм поведения. Специфика человека состоит в свободе от предустановленных форм поведения, и его развитие идет на основе не органических потребностей, а потребностей, которые воспитываются общественными отношениями.

В классической статье 1966 г. «К учению об интериоризации» П.Я. Гальперин поднимает проблему преобразования непсихического явления в психическое и специально подчеркивает, что изучение поэтапного формирования умственных действий и понятий «раскрывает значение «перехода извне внутрь» в качестве условия (но только условия!)» [6, с. 29] образования психического. Но такое преобразование происходит не только через речь, так образуются высшие психические функции, а психика есть и у бессловесных существ. Это — дополнение к вопросу о различии психической организации человека и животных, как его понимал П.Я. Гальперин.

Третье — переход от позднего детства к ранней юности — подростковый возраст — переход от принятого порядка жизни к самостоятельному осмыслению ее. «Ответственность возникает только у человека и только с того «момента», когда признается вменяемость, вина как моральная категория. Это поздно. А до этого — лишь предпосылки воспитания этого в виде наказания за вред или действия «не так, как положено». — Но корни ценностей, которые составляют основу нравственности, должны быть заложены в раннем детстве (сказки)» [9].

П.В. Симонов в тот же исторический период отмечал, что от «неудобной проблемы» свободы выбора не отказалась лишь этика. Этика не может принять концепцию «машинности мозга»: если мы признаем, что все поведение человека обусловлено историей его воспитания, то мы должны снять с человека ответственность за совершаемые им поступки. И в этом смысле само понятие нравственности становится бессмысленным. «Мы стоим на пороге каких-то «великих отказов» и коренных нововведений в саму систему мышления психофизиологов (речь идет о сеченовско-павловском детерминизме), сопоставимых с теорией относительности, принципами дополнительности и неопределенности в современной физике» [21, с. 190].

Трудно не согласиться с П.В. Симоновым: «Даже самые общественно целесообразные поступки теряют свою ценность, если они продиктованы слепой имитацией поведения себе подобных. Этически ценен только тот героизм, который базируется на личном решении, продиктован собственной волей» (курсив мой. — М.С.) [там же]. Симонов приводит слова В.Г. Короленко: «Когда никто не увидит и никто не узнает, а я все-таки не сделаю — вот что такое совесть!».

По сути к такому же пониманию совести пришел еще в начале своего профессионального пути П.Я. Гальперин: «Совесть есть форма выражения со стороны укоренившейся в человеке идеологии против всякого ее нарушения, совершаемого или только предполагаемого» [9, конец 40-х годов].

В ходе подготовки к выступлению на упомянутых выше Ломоносовских чтениях 1977 г. П.Я. Гальперин сделал заметки, касающиеся *детерминизма и свободы*. Приведем запись целиком, так как каждый тезис представляет собой самостоятельную мысль.

«Два аспекта: философский и психологический.

Философски это вопрос о том, как (в силу чего) движущие силы переходят в разряд условий и чем детерминируется действие на каждом уровне.

Психологически это вопрос о том, что на каждом уровне развития воспринимается как принуждение, от которого хотят освободиться, и какую ответственность возлагает на субъекта достигнутая им свобода.

Следовательно, прежде всего это вопрос о том, каково *истинное содержание свободы*.

Свобода означает возможность *самостоятельного выбора* того поведения или действия, которое до приобретения этой свободы предписывалось другими.

Следовательно, нужно чтобы и в период руководства другими предписание не навязывалось и диктовалось, а разъяснялось и обсуждалось как объективно необходимое. Этим только подготавливается переход на следующий уровень самостоятельности.

Но это все-таки не устраняет того, что ко времени созревания для самостоятельного принятия решения его предписание со стороны других (по-прежнему) становилось тем, от чего хотят освободиться.

Следовательно, необходима подготовка к тому, что на следующей ступени станет предметом его самостоятельного решения.

Необходимо убедительное разъяснение того, что свобода в самостоятельном принятии решения означает и ответственность за действия по этому решению.

Следовательно, неизбежен не только переход от детерминизма к свободе, но и переход от свободы к детерминизму (нового высшего уровня — что и означает «Свобода есть познанная необходимость»)» [9, 1977].

Говоря о свободе и формировании (психологических механизмов) личности, П.Я. Гальперин в качестве отдельной формулировал проблему *воспитания личности*.

Он различал два подхода:

- «традиционный, “изнутри”, когда личность рассматривается как нечто данное, предмет анализа, как сложившаяся структура;

- наш, от воспитания: личность как заданное обществом, как предмет воспитания.

Конечно, моральное воспитание личности как предмет психологического исследования имеет не меньшее, а может быть и большее значение. Но пока я не вижу надежных методов его научного исследования» [9, 1983—84 гг.]

Эта проблема не получила дальнейшего развития.

Как подлинно научная концепция...

Возвращаясь к исходному тезису, что П.Я. Гальперин не оставил развернутой теории личности, по результатам проделанной нами работы можем внести некоторые дополнения. Есть достаточные основания утверждать, что П.Я. Гальпериным поставлены вопросы, имеющие принципиальное значение для нашей науки и смежных областей знания, обозначены важные аспекты проблемы психологии личности, которые могут служить ориентирами и для современных психологов.

Оценивая вклад А.Н. Леонтьева в развитие советской психологии, А.Н. Ждан подчеркнула: «Как подлинно *научная* концепция, прокладывающая новые пути психологического познания, в своих принципиальных положениях она сохраняет значимость и в настоящее время в новых исторических условиях» [10, с. 53]. Сегодня мало кто решится усомниться в достаточной научной обоснованности созданной П.Я. Гальпериним теории об ориентировочной природе психического, а это значит, что к ней целиком и полностью относятся слова о жизненности подлинно научной концепции. К 110-летию юбилею П.Я. Гальперина увидела свет статья Л.Ф. Обуховой «П.Я. Гальперин — равный среди равных», в которой подчеркивается величие теории П.Я. Гальперина, ее равноправное положение среди других признанных в мировой психологии научных концепций в области психологии развития [16]. Сказанное предъявляет высокие требования к потомкам, и прежде всего к соотечественникам, от которых научное сообщество ждет внимательного прочтения и последующего глубокого непредвзятого анализа наследия ученого. Приходится с горечью признать верность слов Н.Н. Нечаева, утверждающего, что «ко многим фундаментальным идеям ТПФУД мы не возвращаемся, чтобы вновь продумать их, многое не изучаем, потому что «заканонизировали» тексты, превратив их в «музейные экспонаты», которые лучше не трогать и с которых лишь в юбилейные дни надо сдувать пыль. Это — самое страшное, потому что рождает не надежду на будущее психологии, а лишь ностальгию по прошлому» [15, с. 38]. Наша нынешняя публикация — безусловно, ностальгия по давно ушедшему времени непосредственного общения с великим психологом. В то же время она ориентирована в будущее — к тем исследованиям по психологии личности, которые своим источником будут иметь идеи П.Я. Гальперина, утверждавшего, что «... обращение к прошлому возникает из отношения к будущему» (курсив мой. — М.С.) [7, с. 352].

Литература

1. *Асмолов А.Г.* Оптика просвещения: социокультурные перспективы. М.: Просвещение, 2012. 447 с.
2. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. СПб.: Прайм-Еврознак; М.: Олма-пресс, 2003. 672 с.
3. *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. 400 с.
4. *Выготский Л.С.* Мышление и речь // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982. С. 5–361.
5. *Гальперин П.Я.* Введение в психологию. М.: МГУ, 1976. 149 с.
6. *Гальперин П.Я.* К учению об интериоризации // Вопросы психологии. 1966. № 6. С. 25–32.
7. *Гальперин П.Я.* Лекции по психологии. М.: Книжный дом «Университет»; Высшая школа, 2002. 400 с.
8. *Гальперин П.Я.* Письмо А.Н. Леонтьеву // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1997. №3. С. 3–7.
9. *Гальперин П.Я.* Научный архив.
10. *Ждан А.Н.* А.Н. Леонтьев как лидер психологической науки советской эпохи // Вопросы психологии. 2013. № 3. С. 44–54.
11. *Зинченко В.П.* П.Я. Гальперин: от действия с заданными свойствами к свободной мысли // Вопросы психологии. 2002. №5. С. 120–134.
12. *Леонтьев Д.А.* Личностное измерение человеческого развития // Вопросы психологии. 2013. № 3. С. 67–80.
13. Макаренко. М.: Издательский дом Шалвы Амонашвили, 1999. (Антология гуманной педагогики). 224 с.
14. Материалы совещания по психологии: стенографический отчет // Известия АПН РСФСР. 1953. Вып. 45. С. 93–99.
15. *Нечаев Н.Н.* Роль теории поэтапного формирования в развитии методологии деятельностного подхода // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2012. № 4. С. 23–42.
16. *Обухова Л.Ф.* П.Я. Гальперин — равный среди равных // Культурно-историческая психология. 2012. № 4. С. 2–6.
17. *Обухова Л.Ф.* Теория П.Я. Гальперина — становление новой отрасли психологии // Культурно-историческая психология. 2010. № 4. С. 4–10.
18. *Подольский А.И.* Психологическая концепция П.Я. Гальперина: некоторые направления и перспективы дальнейшей разработки // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2012. № 4. С. 11–22.
19. *Подольский А.И.* Психологическая система П.Я. Гальперина // Вопросы психологии. 2002. № 5. С. 15–28.
20. *Сент-Экзюпери А.* Цитадель. М.: АСТ; Хранитель, 2007. 445 с.
21. *Симонов П.* Искрящие контакты // Новый мир. 1971. № 9. С. 188–205.
22. *Смирнов С.Д.* Факультету психологии Московского университета 10 лет // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1977. № 1. С. 109–112.
23. *Тарасевич Г.* Последний мудрец Сергей Капица // Русский репортер. 2012. № 33. С. 51–55.

The Problem of Personality in Peter Ya. Galperin's Scientific Legacy

M.A. Stepanova

PhD in Psychology, associate professor at the Department of Educational Psychology and Pedagogy, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University

Peter Ya. Galperin did not develop a comprehensive theory of personality; however, as the author of the general psychological theory, he was undoubtedly concerned with various fundamental problems and with issues related to personality psychology in particular. Drawing on Galperin's written and oral presentations as well as on his archival materials, this paper aims to single out Galperin's statements referring to personality psychology and to represent them as a system, fairly abstract, but altogether quite rigorous and well-organized. The paper also reveals how Galperin's notions about personality changed over the course of his professional life. Galperin emphasized the leading role of psychology in the complex study of personality and set forth some general ideas concerning the freedom and the development of personality that are not only of historical and psychological significance. It can be argued that Galperin raised certain issues which are of principal value for our science and related branches of knowledge and identified some important aspects of personality psychology which can serve as orienting points for future and contemporary researchers.

Keywords: Galperin's theory, subject of psychology, personality, personality development, general psychology, freedom and necessity, responsibility, choice.

References

1. *Asmolov A.G.* Optika prosveshcheniia: sotsiokul'turnye perspektivy. [Optics education: social and cultural perspectives]. Moscow, 2012.
2. Bol'shoi psikhologicheskii slovar' [Significant psychological dictionary] / Sost. i obshch. red. B.G. Meshcheriakova, V.P. Zinchenko. S-Petersburg, 2003.
3. *Bozhovich L.I.* Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste. [Personality and its formation in childhood]. St. Petersburg, 2008.
4. *Vygotskii L.S.* Myshlenie i rech'[Thinking and speech] / Vygotskii L.S. Sobr. soch.: V 6 t. T. 2. Moscow, 1882. P. 5–361.
5. *Gal'perin P.Ia.* Vvedenie v psikhologiiu. [Introduction to Psychology] Moscow, 1976.
6. *Gal'perin P.Ia.* K ucheniiu ob interiorizatsii [On the doctrine of internalization]. Voprosy psikhologii. [Questions of psychology] 1966. № 6. P. 25–32.
7. *Gal'perin P.Ia.* Lektsii po psikhologii. [Lectures on psychology] Moscow, 2002.
8. *Gal'perin P.Ia.* Pis'mo A.N. Leont'evu [Letter AN Leontiev]. Vestnik Mosk. un-ta. [Vestnik Moskov. Univ.]. Seriya 14. Psikhologiya. 1997. № 3. P. 3–7.
9. *Gal'perin P.Ia.* Nauchnyi arkhiv. [Science Archive].
10. *Zhdan A.N.* A.N. Leont'ev kak lider psikhologicheskoi nauki sovetskoi epokhi [Leontiev psychological science as a leader of the Soviet era] Voprosy psikhologii [Questions of psychology]. 2013. № 3. P. 44–54.
11. *Zinchenko V.P.* P.Ia. Gal'perin: ot deistviia s zadannymi svoistvami k svobodnoi mysli [Halperin: from the action with the specified properties to free thought] Voprosy psikhologii, [Questions of psychology]. 2002. № 5. P. 120–134.
12. *Leont'ev D.A.* Lichnostnoe izmerenie chelovecheskogo razvitiia [Personal dimension of human development] Voprosy psikhologii, [Questions of psychology]. 2013. № 3. P. 67–80.
13. Makarenko. Moscow, 1999. (Antologiya gumannoi pedagogiki). [Anthology of Humane Education].
14. Materialy soveshchaniia po psikhologii: stenograficheskii otchet [Proceedings of the meeting on psychology: a verbatim report]. Izvestiia APN RSFSR. 1953. Vyp. 45. P. 93–99.
15. *Nechaev N.N.* Rol' teorii poetapnogo formirovaniia v razvitiu metodologii deiatel'nostnogo podkhoda [The role of theory in the development of the gradual formation of the activity approach methodology] Vestnik Mosk. un-ta. [Vestnik Moskov. Univ] Seriya 14. Psikhologiya. 2012. № 4. P. 23–42.
16. *Obukhova L.F.* P.Ia. Gal'perin – ravnyi sredi ravnykh [PY Halperin – equal among equals] Kul'turno-istoricheskaia psikhologiya [Cultural-Historical Psychology] 2012. № 4. P. 2–6.
17. *Obukhova L.F.* Teoriia P.Ia. Gal'perina – stanovlenie novoi otrasli psikhologii [PY Halperin's theory – a new branch of psychology], Kul'turno-istoricheskaia psikhologiya [Cultural-Historical Psychology], 2010. № 4. P. 4–10.
18. *Podol'skii A.I.* Psikhologicheskaya kontseptsia P.Ia. Gal'perina: nekotorye napravleniia i perspektivy dal'neishei razrabotki [Psychological concept PY Halperin: some trends and prospects of further development], Vestnik Mosk. un-ta. [Vestnik Moskov. Univ]. Seriya 14. Psikhologiya. 2012. № 4. P. 11–22.
19. *Podol'skii A.I.* Psikhologicheskaya sistema P.Ia. Gal'perina [Psychological system PY Halperin], Voprosy psikhologii [Questions of psychology]. 2002. № 5. P. 15–28.
20. *Sent-Ekziuperi A.* Tsitadel'. [Citadel]. Moscow, 2007.
21. Simonov P. Iskriashchie kontakty [Sparking contacts]. Novyi mir [New World], 1971. № 9. P. 188–205.
22. *Smirnov S.D.* Fakul'tetu psikhologii Moskovskogo universiteta 10 let [Faculty of Psychology, Moscow University 10 years]. Vestnik Mosk. un-ta [Vestnik Moskov. Univ]. Seriya 14. Psikhologiya. 1977. № 1. P. 109–112.
23. *Tarasevich G.* Poslednii mudrets Sergei Kapitsa [Last sage Sergei Kapitsa], Russkii reporter [Russian reporter]. 2012. № 33. P. 51–55.